

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
М Е М У А Р Ы

**ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
М Е М У А Р Ы**

Reinhold Braun

NARBEN

GESCHLAGEN. GEFANGEN. GEFLOHEN

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
М Е М У А Р Ы

Райнхольд Браун

ШРАМЫ ВОЙНЫ

ОДИССЕЯ ПЛЕННОГО СОЛДАТА ВЕРМАХТА

1945

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

УДК 94(4)"1939/1945"
ББК 63.3(4)62
Б87

Охраняется законодательством РФ
о защите интеллектуальных прав.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Серия «За линией фронта. Мемуары»
выпускается с 2002 года

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Браун Р.
Б87 Шрамы войны. Одиссея пленного солдата вермахта. 1945 / Пер. с нем. А.Н. Анваера. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2013. — 287 с. — (За линией фронта. Мемуары).

ISBN 978-5-519-73196-6

Весть о том, что окончилась война, застала Райнхольда Брауна во время жестоких боев в Чехословакии. И с этого момента началась его долгая и полная опасностей обратная дорога на родину в Германию. Браун пишет о том, как прошел через плен, об унижениях, голоде, холоде, о тяжелом труде и жестоких побоях. О бывших товарищах по оружию, которые за лишний кусок предавали своих соотечественников, и тех, кто остался верен фронтовому братству, о том, что такое подлость и настоящая дружба. Вместе с боевыми товарищами он переживает горечь разочарования от того, что все жертвы и лишения были напрасны, Германия пала, с обеих сторон горы трупов, разрушенные города и легионы искалеченных, изуродованных судеб. И как это часто бывает с бывшими солдатами вермахта, автор не видит вины своего отечества в преступлениях, совершенных против человечества.

УДК 94(4)"1939/1945"
ББК 63.3(4)62

© Перевод, ЗАО
«Центрполиграф», 2013
© Художественное оформ-
ление серии, ЗАО
«Центрполиграф», 2013

ISBN 978-5-519-73196-6

*Посвящается Бернгарду Вольтману,
человеку, не покинувшему меня во всех
превратностях судьбы*

Осенью 1946 года я поступил на медицинский факультет Юрицбургского университета и вместе с восемью сокурсниками поселился в голой обшарпанной комнате в здании физиологического института. В комнате стояли девять кроватей и длинный стол. Шкафов не было — для них в комнате просто не хватило бы места. Снятую на ночь одежду мы вешали на вбитые в стены гвозди. По ночам мы спотыкались о стоявшие между столом и кроватями протезы.

Здесь, в этой унылой комнате, мы начали с чистого листа устраивать свою жизнь, придавать ей новое направление и новый смысл. Питались мы на черном рынке, но альма-матер закрывала на это глаза; несмотря ни на что, мы оставались ее самыми даровитыми учениками. Мы искренне ее любили, и она, как истинная мать, многое нам прощала. Университет тоже был обескровлен и хотел восстановиться. В первом семестре я часто пропускал лекции. Я должен был писать, и я писал — каждый день до глубокой ночи. Я писал и писал, мысленно советуясь с отцом, поговорить с которым наяву я тогда не мог, он жил в русской зоне оккупации и был для меня недоступен. К тому времени, когда они с матерью сумели тайно перейти границу и мы снова воссоединились, я уже написал все, что хотел. Я наконец был свободен.

Спустя шестнадцать лет я совершенно случайно нашел те свои записи. Теперь я стал запоем их читать. Воспоминание, разбуженное этим чтением, было так сильно, что на какое-то время я замкнулся в себе, избегая общения с людьми. Ныне я живу в благополучии и достатке и наконец выпускаю свои записанные мысли на волю. Они не

должны принадлежать одному мне. Я открываю их тебе, дорогой читатель. Я изменил лишь имена и местопребывание моих друзей, ибо распри и ненависть не перевелись еще в нашем мире.

Жизнь идет своим чередом, и раны постепенно затягиваются. На их месте образуются рубцы и шрамы. Мудрый просто смотрит на них, и лишь глупец не переставая их берedit.

Я веду этот рассказ, потому что *должен* это делать. Не знаю, смогу ли я рассказать все, но постараюсь изо всех сил.

Ночь.

В глубоком ущелье, высоко в Карпатах, лежал человек. Он лежал возле костра, который развел во мраке ночи. Стояла зима. Земля затвердела от мороза. Человек поднялся сюда из долины. С трудом пробрался он к вершинам, утопая по пути в глубоком снегу. Теперь он отдыхал, восстанавливая силы. Он придвинулся к огню и лежал, неподвижно глядя на языки жаркого пламени. Когда начинала мерзнуть спина, он переворачивался на другой бок.

Непроницаемый мрак темной стеной окружал призрачный огонек, лишь сгущавший черноту ночи. Стояла неправдоподобная тишина — слышался только негромкий треск пламени да завывание ветра в верхушках деревьев. Кто мог услышать, как стонет и плачет душа этого человека? Страшное волнение владело его чувствами и мыслями. Но по его поведению никто бы не сказал, какие сильные чувства его обуревают. Человек лежал у костра и не спеша, время от времени подбрасывал в него сучья. Дров под снегом было в избытке, и смерть от холода человеку не грозила. Тем человеком был я.

Мы яростно дрались в Чехословакии, когда утром 9 мая узнали, что все кончено: Германия капитулировала. С ужасающей ясностью над нами нависла страшная сила, ги-

бельное и неотвратимое приближение которой мы смутно чувствовали все последние недели. Конец настал, фатальный, достоверный конец. Курилась туманом пропитанная кровью земля, друзья и враги были окутаны смертоносным, призрачным, черным чадом проигранной войны. Все было кончено! Наше отечество сложило оружие. Наша родина разбита. Наша Германия была наказана, как никогда прежде. Мы отказывались понимать, что произошло, хотя нам все было ясно — каждая клеточка моего существа противилась осознанию ужасной мысли. Надо ли было доблестно драться за это шесть лет на всех фронтах?! Это ли должно было стать наградой за пережитые муки, лишения и страхи — вернуться в развалины наших городов, лишившись всякой надежды на будущее? За это ли пали миллионы наших товарищей? Разве не шли они в бой с верой в то, что смогут спасти землю наших отцов от поражения? А миллионы изуродованных и искалеченных? Армия переживших невообразимый ужас и кошмар? Их жертвы оказались ненужными, напрасными?

Бледный и растерянный, стоял я в толпе одетых в серую форму бывших солдат. Мне казалось тогда, что мир утонул в напрасно пролитой крови. Тщетно пытался я представить себе лицо одного моего убитого друга, который буквально накануне напоил землю кровью из своей страшной раны. Я не находил лица, да и как я мог... Серой была толпа, в которой я стоял, серыми и спутанными были мои мысли... Все было напрасно! Все даром! Германия пала! С обеих сторон горы трупов! С обеих сторон легионы искалеченных, израненных, изуродованных. С обеих сторон руины, пепел и слезы. Кровавый туман покрыл землю. И Богу было угодно, чтобы Германия оказалась в самой глубокой бездне этого страдания...

Понимание конца и разгрома пожирало нас медленно, но неотвратимо, порождая настроение, которое невозможно описать словами, но которое, как мы отчетливо сознавали, останется с нами до конца наших дней. Ввиду ужасного поражения задача нашей дивизии сразу изменилась. Теперь не надо было прикрывать наступление одетой в серые мундиры армии, нам предстояло с боями отступать на безжалостно поверженную родину. Всякое сопротивление

стало бессмысленным. Уцелевшие остатки разбитой армии начали выползать из укрытий и уходить от неприятеля. По земле покати́лась волна отступления. Вскоре мы убедились, что двигаться крупными соединениями нам не удастся. Кольцо окружения было слишком плотным. Стоило нам высунуть нос, как мы попадали под убийственный огонь. Мы разделились на мелкие группы, каждая из которых отныне распоряжалась своей судьбой. Нашей группе в одну из ночей удалось прорваться сквозь русские боевые порядки и незамеченной выбраться на шоссе. С наступлением утра мы укрылись в лесу, чтобы спрятаться от противника. Самое трудное мы сделали, но теперь мы находились на занятой русскими территории, население которой с фанатичной ненавистью охотилось за нами. Покой, которым мы наслаждались на рассвете, вскоре закончился короткой стычкой с партизанами. Перестрелка была скоротечной и бескровной, противник быстро отступил, но тревога была поднята, и теперь нам предстояло встретиться с куда более серьезным противником — с русскими, и мы решили, что самое разумное — это еще более мелкими группами и поодиночке рассеяться в разные стороны.

Вдвоем с одним товарищем мы углубились в лесную чащу. Мы пробрались в отдаленный лес и укрылись в порослях молодого сосняка. Сквозь раскидистые ветви проникал сумеречный свет. Спали мы по очереди, с нетерпением ожидая наступления ночи. Временами издали доносились пулеметные и автоматные очереди. Иногда стрельба опасно приближалась. Это были наши товарищи, которые, обнаруженные врагами, были сейчас вынуждены защищать свою свободу и жизнь. Никто из нас не желал попасть в руки русских. Самым страстным желанием было уйти от русских — не важно как, любой ценой. Бежать на родину, по возможности в районы, занятые американцами или англичанами, затаиться там и дожидаться, когда отзвучат последние залпы! Пройдет время, и настанет день, когда для нас начнется новая жизнь! Какой будет эта жизнь, никто из нас не знал, но у большинства из нас были мечты, которые хотелось осуществить, и долги, по которым надо было расплатиться. На самом деле наилучшим выходом, вероятно, было бы взять пистолет и покончить со всеми бедами сразу. В то время

оружие сделало нас легкомысленными — у смерти, как и у медали, две стороны.

Когда стемнело, мы покинули наше убежище и, напрягая слух и зрение, направились на запад — в сторону родной Германии. Компасом нам служили звезды, а постоянным спутником стал необъяснимый страх, подгонявший нас — словно мы могли опоздать к какому-то назначенному сроку. Мы часто останавливались, прислушиваясь к звукам, доносившимся из близлежащей деревни или с дороги, а потом снова спешили дальше. Так мы шли под покровом ночи до тех пор, пока на восточном горизонте не появлялась блеклая полоска рассвета. Тогда мы снова залегали в густых кустах, чтобы избежать опасности быть обнаруженными при свете дня. Но кто, скажите на милость, сможет просидеть целый день на месте, когда все чувства до крайности напряжены, душа томится от нетерпения, а сердце сжигается от страха — не успеем? Позже, находясь в плену, я научился подавлять в себе это нетерпение, но тогда я этого не умел, и мы с товарищем покинули убежище до заката, надеясь, что сможем незамеченными передвигаться и днем.

Мы недалеко ушли. Расплата за нетерпение наступила быстро и неотвратимо.

Бежать было некуда. Судьба настигла нас посреди широкого поля: нас атаковали восемь или десять вооруженных чешских всадников. Из-под копыт клубами поднималась пыль, гремели выстрелы. Наше положение было безнадежным. Побросав оружие на землю, мы подняли руки. Через мгновение всадники обступили нас со всех сторон. Они захватили нас без сопротивления: мы стали пленными.

Что они с нами сделают? Пристрелят, будут пытаться?

Они не сделали ни того ни другого. Резкие и громкие слова незнакомого языка, ржание коней. Двое всадников спешили. Они обыскали нас: все в порядке, оружия нет. Те двое снова вскочили в седла. Всадники натянули поводья, развернули лошадей и показали нам направление, в котором нам следовало идти. По краю поля нас повели в ближайшую деревню, где передали другой группе партизан, как они сами себя называли. После этого мы долго шли куда-то пешком. Лица сопровождавших нас трех пар-

тизан были усталыми и равнодушными. Впрочем, я мог бы назвать их симпатичными — это были простые крестьянские парни. Один из них дал нам хлеба.

На окраине небольшого городка партизаны передали нас русским. Здесь мы встретили многих товарищей, согнанных сюда из разных мест партизанами или русскими. Первым делом на нас напали какие-то грубые подонки, которые отобрали все ценные вещи, какие у нас еще оставались. Это были помогавшие русским разъяренные чехи с красными повязками на рукавах. Со свирепой руганью эти люди срывали с нашего обмундирования знаки различий. Грабежом они тоже не гнушались. Слава богу, я успел спасти часы! Быстрым незаметным движением мне удалось спрятать их в сапог. После этого я берег их изо всех сил, и, как оказалось, не зря, ибо часы были в плену просто неоценимым сокровищем. Во время того первого грабительского обыска, который потом пленные метко окрестили «валянием», я сумел, кроме того, сохранить фотографии моего погибшего брата и возлюбленной. Впоследствии, в самые тяжелые часы плена, они придавали мне сил и приносили утешение.

Ближе к вечеру побитое и ограбленное воинство построили в колонну, и оно, под охраной русских конвоиров, потянулось навстречу неведомому будущему. С неба немилосердно пекло жаркое солнце, клубившаяся из-под наших ног пыль толстым слоем ложилась на потные лица. Фляжки у большинства из нас отняли, и вскоре нас начала мучить невыносимая жажда. Но на марше о воде можно было забыть. Почти все русские ехали верхом, и наши страдания их совершенно не волновали. Оглядываясь назад и припоминая муки, которые нам пришлось перенести впоследствии, я понимаю, насколько смехотворно упоминать о такой мелочи, как жажда. Но все на свете начинается с ничтожной малости, и этот короткий переход с мучительной жаждой был лишь началом беды, началом, которое кажется пустяком по сравнению с тем, что ожидало нас впереди. Самое ужасное заключалось в том, что мы проходили мимо колодцев и ручьев, но не могли из них напиться. С ужасающей ясностью мы только тогда осознали перемену нашего положения: мы перестали быть сол-